

ОТЗЫВ

**официального оппонента А.В. Наумова
о диссертации Асланяна Руслана Георгиевича
«Теоретические основы построения Особенной
части российского уголовного права», представленной
на соискание ученой степени доктора юридических
наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые
науки (юридические науки)**

Диссертация Асланяна Р.Г. выполнена на тему, представляющую *значительную актуальность*. Проблематика диссертационного исследования является важной для развития современного российского уголовного права как для законодательной и правоприменительной деятельности, так и его доктринальной основы. Соискатель прав, утверждая, что в теории уголовного права общепризнано, что действующий УК РФ в результате его многочисленных изменений и дополнений утратил свою системность в связи с тем, что содержит «положения, противоречащие друг другу» и потому создает «существенные препятствия к правильному и единственному применению Кодекса» (с.4). И в большей части создавшееся положение происходит в зависимости от *системы* преступлений, зафиксированной в Особенной части уголовного закона, и их доктринального толкования (с.5). В связи с этим выполнение диссертационного исследования, специально посвященного теоретическим основам конструирования системы Особенной части российского уголовного права, является обоснованным, так как именно оно способствует необходимой адаптации уголовного закона в целом к «динамично меняющимся социальным и правовым условиям жизнедеятельности общества» (с.5).

И хотя соответствующие (в первую очередь известные ВАКовские) нормативы не требуют от официального оппонента характеристики *структуры* рецензируемой диссертации, она, по его мнению, (особенно по данной проблематике) имеет очень важное значение для оценки как теоретической, так и практической значимости рецензируемой диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения. В первой главе

рассматривается историко-правовой анализ формулирования и развития Особенной части российского уголовного права (включая и его современный период). Во второй – анализируются теоретические источники формирования и выражения Особенной части отечественного уголовного права. В третьей – исследуется категория нормативного предписания как его исходного структурного элемента (включая виды нормативных предписаний Особенной части). В четвертой – дается характеристика *институтов* Особенной части (включая теоретическо-методологические основы их исследования, содержание и структуру). В пятой – анализируются основные аспекты системы Особенной части (включая взаимосвязь Общей и Особенной части уголовного права). Такое структурное построение диссертации представляется обоснованным, так как оно позволило автору *последовательно и содержательно* рассмотреть *важнейшие аспекты* исследуемой им проблемы.

Диссертация характеризуется необходимой для такого рода исследований *научной новизной*. Следует согласиться с авторской оценкой указанного качества диссертации. Ее «научная новизна состоит в разработке и аргументации (на основе модернизации методологического потенциала отрасли) перспективной концепции системного строения и внешнего выражения нормативных предписаний Особенной части уголовного права» (с.13). Научная новизна диссертационного исследования отражена и в *положениях, выносимых на защиту*. Среди них официальный оппонент считает выделить следующие:

- № 2 о том, что авторская периодизация этапов истории Особенной части уголовного права, позволила ему отказаться (пожалуй, впервые в отечественной доктрине) от обычной привязки законодательного процесса к особенностям специфики определенных марксистских подходов и характеристике природы социально-политической формации и экономики государства (дореволюционного, т.е. до Октябрьской революции 1917 г., социализма и постсоциализма). Такой подход позволил автору представить

все этапы развития российского государства (а значит и права) в качестве единого исторического процесса как пути (нередко не прямолинейного), объединяемого единой исторической предопределенностью и закономерностью исторического прогресса на фоне содержательных изменений, происходящих в уголовном законодательстве (с.16);

- № 4 о том, что теория источников Особенной части уголовного права включает в себя три основных блока: учение о субъектах правотворчества в правовом государстве; учения о социальных факторах правообразования; учения о формах выражения правовых предписаний. Систему формальных источников Особенной части уголовного права образуют правовые акты установления, конкретизации и толкования уголовно-правовых предписаний об основаниях и пределах ответственности за конкретное преступление (с.17);

- № 10 о том, что методологические основы анализа уголовно-правовых институтов требуют признания ограниченных возможностей юридического позитивизма и применения в допустимых пределах методологических возможностей *иных* теорий права и подходов к его исследованию... При этом необходимо выделить *первичные* уголовно-правовые институты (Особенной части) и *вторичные* (Общей части), которые формируются в процессе функционирования уголовного права как социального института (с.20);

- № 11 о том, что для познания юридического содержания института Особенной части уголовного права необходимо совместить потенциал *позитивного* и *институционального* подхода к праву, что позволяет обеспечивать обособление нормативных предписаний Особенной части как отдельных институтов, исходя из особенностей объекта охраны и вида совершаемых в отношении его посягательств (с.20);

- № 13 о том, что общность институтов Особенной части уголовного права представляет собой *систему*, которая демонстрирует наличие связей с *иными* внутриотраслевыми и межотраслевыми правовыми образованиями, внешней социальной средой, а также между отдельными структурными элементами самой системы институтов Особенной части (с.211).

Диссертационное исследование имеет теоретическое и практическое значение. Теоретическое значение состоит в том, что сделанные автором выводы и предложения могут составить научную основу для дальнейшего развития теории построения Особенной части российского уголовного права, а в целом, по мнению официального оппонента, это исследование безусловно расширяет «поле» уголовно-правовой науки и дает теоретические предпосылки давно назревшей реформы российского уголовного законодательства. В порядке конкретизации этого качества диссертации официальный оппонент находит необходимым выделить (среди других) следующие положения:

- результаты авторского анализа и оценки основных направлений развития теоретических дискуссий о существовании, строении и значении Особенной части уголовного права;
- модернизацию и конкретизацию общего учения об источниках права;
- разработку понятия и системы форм выражения социальных источников уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права на основе выявления их *типичных* и *нетипичных* признаков;
- обоснование необходимости диверсификации методологических основ познания институтов уголовного права и результатов адаптации для этих целей методологии институционального анализа права;
- итоги авторского анализа проблем классификации институтов Особенной части на охранительные и функциональные, соотнесенной с функциональными характеристиками отрасли уголовного права;
- авторскую оценку современного состояния системности Особенной части уголовного права как свидетельство неадекватности правовых конструкций основания и пределов наказуемости потребностям противодействия преступности;
- установленные автором связи между актуальными направлениями уголовной политики и систематизацией нормативных предписаний в Особенной части уголовного права (с.13-15).

Практическое значение диссертации – в предлагаемых автором предложениях *de lege ferenda*, направленных на преодоление имеющихся недостатков в Особенной части уголовного законодательства, а также в том, что результаты исследования могут использоваться в правоприменительной деятельности (суда, органов дознания, следствия и прокуратуры) в уголовном судопроизводстве, в том числе и при квалификации определенных преступлений и назначении за их совершение наказания, быть использованы при преподавании в юридических вузах курсов уголовного права, уголовной политики и в работе по повышению квалификации сотрудников судебных и правоохранительных органов.

Основные положения и выводы диссертации являются научно обоснованными, так как в их основу положены научно обоснованная методология и методика. Достоверность диссертационного исследования подтверждается значительным эмпирическим материалом, положенном в основу диссертации. Изучено 68 нереализованных или находящихся на стадии рассмотрения законопроектов по вопросам совершенствования уголовного законодательства; 35 постановлений и определений Конституционного Суда РФ; 14 постановлений Пленума Верховного Суда РФ; 160 постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 1997-2022 гг.; проведен опрос 284 специалистов в области уголовного права (преподавателей юридических вузов и практических сотрудников правоохранительных органов и судей в Краснодарском, Ставропольском краях, Ростовской области, Республики Адыгея, Москве и Санкт-Петербурге).

Основные положения и выводы проведенного диссертационного исследования получили подлежащую апробацию. Они нашли отражение в 52 научных публикациях (в том числе, в 4-х монографиях и 27 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России и 4-х статьях в журналах, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования), а также сообщались на многих международных, всероссийских

и региональных научных и научно-практических конференциях (точный их перечень указан в автореферате диссертации), используются в практической деятельности и внедрены в учебный процесс.

Диссертация выполнена автором самостоятельно, а автореферат диссертации отражает ее содержание.

Высоко оценивая научную новизну рецензируемой диссертации, ее теоретическую и практическую значимость следует отметить, что она, по мнению официального оппонента, не свободна и от некоторых недостатков. В связи с этим официальный оппонент считает возможным высказать по ряду ее положений некоторые, отличающиеся от позиции соискателя, мнения и оценки, которые дают повод и возможность для вступления в дискуссию с автором. В своем отзыве остановлюсь на следующих:

1) В некоторых положениях, выносимых на защиту (например, 12, 14, 15, 16), справедливо ставится вопрос о конкретизации функционального назначения Особенной части уголовного права и, в особенности, его охранительной роли, соответствию уголовной политике, что в аспекте теоретической новизны, безусловно, заслуживает одобрения. Однако при этом как-то теряется реальное (жизненное) значение *общесоциальных* функций уголовного права, в том числе, и норм его Особенной части. Получается некоторая «оторванность» теоретических конструкций от бытия правоприменения. Сошлюсь лишь на проблемы, неоднократно поставленные, например, Президентом РФ В.В. Путиным в его ежегодных Посланиях Федеральному Собранию РФ насчет отрицательного воздействия правоохранительных органов, порой искусственно возводящих занятие бизнесом в преступление, что отрицательно воздействует на экономику, а в своем последнем по времени Послании (от 21 февраля 2023 г.) Президент РФ высказался о возможности «пересмотра ряда норм уголовного законодательства, в части так называемых экономических составов (см. Российская газета, 22 февраля 2023 г.).

В этом же ключе нам видится и некоторая непоследовательность позиции соискателя по проблеме соотношения понятий *нормативного предписания* и *уголовно-правовой нормы*. Официальный оппонент видит некоторое несоответствие между тем, что соискатель, с одной стороны, признает первое (нормативное предписание) начальным элементом *системы права* (с.241-242, 246), а с другой, включает нормативное предписание в *содержание* уголовно-правовой нормы, т.е. в ее часть (ст.244).

2) Соискатель утверждает о существовании в доктрине уголовного права единой (т.е. «согласованной»!) позиции по поводу существования *кризиса* уголовно-правовой отрасли (с.403), определяя признание его появления в отечественной науке несколькими временными периодами. Кризис датируется то 2003 г., то 2007 г., а то и 2011 г. и даже 2012 г. (с.203-205). То есть кризису уже немало лет. Но как же тогда с бытием правоприменения, применения уголовного закона (в первую очередь, норм Особенной части) в едва ли не ежедневном судопроизводстве по уголовным делам? Во-первых, так ли уж все в понимании такого кризиса *согласовано* в теории уголовного права? Сошлемся лишь на труды А.Э. Жалинского и, в особенности, его монографию «Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ» (2-е изд. М., «Проспект», 2009). Так, вот о кризисе, например, применительно к уголовному праву Германии (да и России так же), автор утверждал несколько иное. Он исходил из того, что «кризис» применительно к уголовному праву «является во многом спорным». Жалинский А.Э. выделял некоторые «признаки» (не более того!) такого кризиса (общие для уголовного законодательства большинства «развитых» стран) и говорил о том, что «подобные явления с большей или меньшей интенсивностью характерны и для российского уголовного права, определяя при этом также направления развития уголовно-правовой науки» (с.455). Анализ же «судьбы» (т.е. перспективы) современного уголовного права (в том числе и немецкого) автор осуществлял на тщательном анализе *различных* (а вовсе не «согласованных») суждений по этому поводу, делая вывод о том, что «не стоит ожидать

революционных изменений в уголовном праве» и что речь идет не о создании какого-то «нового» уголовного права, а его естественного, связанного с развитием человечества и цивилизации обновления. В свете «суперсовременных» задач правотворчества и юридической доктрины — это, например, проблемы, связанные с искусственным интеллектом, «цифровизацией» и другими такого же рода.

3) Соискатель утверждает, что «на уровне теоретического анализа в качестве одного из элементов общей дискуссии о границах уголовного права вполне допустимо и оправданно говорить об институтах уголовного права (в том числе его Особенной части) как о системе предписаний, в настоящее время рассредоточенных в УК РФ и КоАП РФ» (с.348). Последнее утверждение выглядит достаточно «проблематичным». Во-первых, хотя в последние годы отечественный законодатель фактически и осуществил *рецепцию* института административной ответственности (преюдиции), включив её в ряд статей УК РФ (например, ст.ст. 116¹, 158¹, 212¹, 215¹, 264¹, 284¹, 314¹) и такие законодательные «шаги» имеют определенную тенденцию к расширению, иногда «одобряемую» и в доктрине уголовного права, однако и в теории уголовного права четко выражена и совсем *иная* на этот счет позиция (например, Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, А.Г. Кибальника, А.И. Коробеева) и говорить о каком то в этом отношении «согласии» в теории уголовного права, пока еще рано. Во-вторых, сможет ли соискатель привести пример воплощения собственно уголовно-правовых институтов в содержание (текст) административного права (того же КоАП РФ)?

4) Соискатель занимает свою позицию по трактовке «источников» нормативного предписания Особенной части уголовного права, включая туда и Кодекс уголовных проступков (например, с.505). Последняя проблема «навеевна» разработкой законопроекта, подготовленного по инициативе Верховного Суда РФ и поступившего в Госдуму России в 2020 г. Эта инициатива вполне вписывается в поиски дальнейших «резервов» снижения доли лиц, осужденных к лишению свободы. Однако представляется, что спор

о формулировках новых понятий Уголовного кодекса (введение в него понятия не только преступления, но и уголовного проступка) является не столько терминологическим, сколько принципиальным. Уголовный кодекс (в отличие от УПК) в значительной мере рассчитан не только на сотрудников правоохранительных и правоприменительных органов, но и на обычного человека и гражданина. И в этом смысле для последнего (хотя бы как читателя Кодекса) введения понятия уголовного проступка *вместо* преступления будет не совсем обычно. Ему в этом будет представляться какая-то двусмысленность и даже несообразность: Уголовный кодекс и, в то же время, ответственность за деяния, не являющиеся преступлением (как такое может быть и чем тогда Уголовный кодекс отличается от других запретительных норм?). Так не стоит ли, не ломая устоявшиеся представления об уголовном законе, по степени своей репрессивности как «черное от белого» отличающегося от нормативных актов других отраслей права (того же административного), вместо не вполне понятного «проступка» использовать понятие преступления, «не представляющего большой общественной опасности» (как разновидности понятия «преступления небольшой тяжести») с указанием на то, что за такие преступления не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, а его совершение не влечет судимости. Тем более, что в теории советского уголовного права такой опыт уже был и заключался в разработке Теоретической модели уголовного кодекса, опубликованной в виде капитальной монографии (см. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. Отв. ред. В.Н. Кудрявцев и С.Г. Келина. М., «Наука», 1987. С.239-240).

5) Иногда соискатель высказывает и некоторые, уж слишком категорические, суждения. Так, при достаточно в целом продуктивном анализе содержания и структуры институтов Особенной части уголовного права, утверждается (чересчур, по нашему мнению, «громко»): «закон, как известно, не есть право. Это – по большому счету, лишь текст, который в знаковой форме диктует, отражает нормативные предписания» (с.318). Я

вполне понимаю, о чем идет речь (и с фундаментальной работой В.С. Нерсесянца «Право и закон», конечно же, знаком). Но даже с учетом этого, автору в его рассматриваемом утверждении не мешало бы добавить одно слово – «не только» (т.е. «закон – это не *только* право).

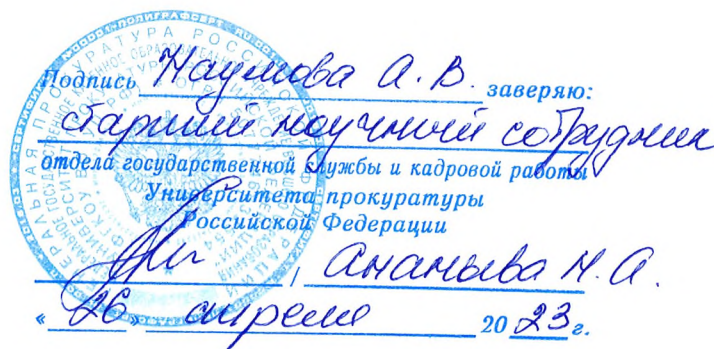
Сделанные замечания не снижают общей весьма положительной оценки диссертации. В целом официальный оппонент приходит к выводу: диссертация на тему «Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права» соответствует требованиям п.24 «Положения о присуждении ученых степеней» (в действующей редакции), и является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как решение важной научной проблемы, а ее автор - Асланян Руслан Георгиевич заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Официальный оппонент
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки Российской Федерации

А.В. Наумов

А.В. Наумов

26 апреля 2023 г.

Наумов Анатолий Валентинович, профессор, доктор юридических наук, по специальности 12.00.08: уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера Научно-исследовательского института федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университета прокуратуры Российской Федерации», адрес: 123022, Москва, 2-я Звенигородская ул., д.15, тел. +7(499)253-21-19; e-mail: nii@agprf.org

С отзовом

*Озкомпен А.С. Асланян Р.Г.
25.05.2023г.*